

2-в-1: две посессивные конструкции в одной парадигме северохантыйских суффиксов*

Степан Кириллович Михайлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
stepanmihajlov@gmail.com

В настоящей статье выдвигается тезис, что в казымском северохантыйском есть по крайней мере две посессивные конструкции, выражаемые одной и той же парадигмой суффиксов. Рассматриваемые аргументы включают допустимость эксплицитного выражения ИГ посессора, наличие требования уникальности референта посессивно-маркированной ИГ и доступность выражения контекстно-зависимых ассоциативных отношений (в противопоставление собственно посессивным отношениям, так или иначе связанным с идеей обладания и/или семантикой именной группы). Северохантыйская система выделяется на типологическом фоне полной омонимией двух конструкций и контрастом по уникальности, однако мы предполагаем, что в родственных и соседствующих языках с частотным ассоциативно-посессивным маркованием представлены такие же системы.

Ключевые слова: приименная посессивная конструкция, северохантыйский язык, неотчуждаемость, уникальность, дискурсивная посессивность, семантика.

* Автор выражает глубочайшую признательность своим северохантыйским консультантам, а также С. Ю. Толдовой и А. А. Козлову за критические замечания к изложенным здесь идеям и чуткое руководство. Все недочёты настоящей статьи остаются на совести автора.

2-in-1: Two possessive constructions in one Northern Khanty paradigm of suffixes

Stepan Mikhailov

National Research University Higher School of Economics

stepanmihajlov@gmail.com

This paper argues that there are at least two adnominal possessive contructions in the Kazym dialect of Northern Khanty, both of which are exponed by the same set of suffixes. The arguments for this view include the (un)availability of explicit possessor mention, the presence of a uniqueness requirement, and the availability of context-dependent associative possessive interpretations as opposed to proper possessive ones, based in the notion of ownership and derived from the semantics of the given NP. The observed possessive system is typologically unusual, although we expect that similar systems can be shown to exist in neighboring and related languages with extended associative possessive marking.

Keywords: adnominal possessive construction, Northern Khanty, inalienability, uniqueness, extended possessives, semantics.

1. Введение

В семантике приименных посессивных конструкций можно различать по крайней мере два типа интерпретаций [Nikolaeva 1999: 82; Storto 2005; Karvovskaya 2018; и ссылки там же]. С одной стороны, есть прототипические **собственно посессивные** интерпретации, так или иначе связанные с идеей обладания и/или семантикой именной группы (ИГ) в составе этой конструкции: например, *мой отец* может обозначать человека, с которым говорящий связан соответствующими родственными отношениями. С другой стороны, этим конструкциям доступны сильно контекстно-зависимые **ассоциативные** интерпретации, которые не связаны напрямую ни с семантикой данной ИГ, ни с идеей обладания: например, в соответствующем контексте *моя собака* может значить ‘собака, которая на меня напала’.

В языках мира эти два типа отношений нередко выражаются разными конструкциями [Nichols 1988; Karvovskaya 2018]¹. Вслед за Леной Карвовской (2018) конструкции, выражающие отношения первого типа мы будем называть идиосинкратическими, а конструкции, которым доступны свободные интерпретации, — неидиосинкратическими.

С другой стороны, в приуральском диалекте северохантыйского языка (<обско-угорские<финно-угорские), где нет формального противопоставления нескольких посессивных конструкций, ассоциативные интерпретации посессивной конструкции встречаются значительно чаще, чем в английском [Nikolaeva 1999: 82]: в трёх северохантыйских текстах, проанализированных Ириной Николаевой, насчитывается 39% ассоциативных интерпретаций, тогда как в корпусном исследовании на материале английского языка насчитывается всего 16% ассоциативных интерпретаций [Taylor 1996: 346–347].

Настоящая работа рассматривает ассоциативные интерпретации посессивных суффиксов **казымского диалекта**² северохантыйского языка и представляет ряд аргументов за то, чтобы считать, что ассоциативные интерпретации соответствуют отдельной неидиосинкратической конструкции, выражаемой той же paradigmой показателей, что и собственно посессивная идиосинкратическая конструкция.

В разделе 2 кратко представлена семантическая типология посессивных конструкций, основанная на понятии идиосинкратичности [Karvovskaya 2018]. Раздел 3 представляет источник и методологию сбора наших полевых данных, а также формальные аспекты северохантыйской посессивной ИГ.

В разделе 4 рассматриваются аргументы за выделение по крайней мере двух посессивных конструкций в северохантыйском языке. Первая конструкция допускает эксплицитное выражение ИГ посессора (§4.1), не требует уникальности референта данной ИГ (§4.2) и может обозначать исключительно отношения

¹ В частности, это противопоставление связано с обширной литературой по (не)отчуждаемости, подробнее см. [Karvovskaya 2018] и ссылки там же.

² Имеющиеся у нас данные свидетельствуют о существенных различиях в отношении дистрибуции какого-либо посессивного маркирования в приуральском и казымском диалектах. В частности, согласно Николаевой в приуральском диалекте ассоциативное посессивное маркирование не бывает обязательным, а в наших казымских данных это не так, см. раздел 4.2.

так или иначе связанные с идеей обладания или выводимые из семантики данной ИГ (§4.3). Вторая конструкция, наоборот, не допускает эксплицитного выражения посессора, требует уникальности референта ИГ и не ограничена в множестве доступных ей отношений.

В заключении (§5) резюмируются и помещаются в типологический и ареально-генетический контекст основные тезисы настоящей работы. Наблюдаемая в северохантыйском системе приименных посессивных конструкций по некоторым своим свойствам кажется типологической рарой, однако есть основания ожидать, что подобные системы также представлены в родственных и соседствующих языках.

2. (Не)идиосинкратичность в типологии приименных посессивных конструкций

В некоторых языках мира разные типы интерпретаций посессивных конструкций выражаются разными конструкциями, что иногда описывается как противопоставление по (не)отчуждаемости. (О проблематичности этого понятия и о типологии подобных конструкций см. хотя бы [Nichols 1988; Karvovskaya 2018: §1.2.2.2] и ссылки на обширную литературу по теме там же).

Лена Карвовская (2018) рассматривает семантику таких конструкций в языках мира и показывает, что идиосинкратические конструкции семантически ограничены стереотипными отношениями, выводимыми из семантики данной ИГ (ср. адигейский пример (1a); отсюда и название этих конструкций), тогда как не-идиосинкратические конструкции могут выражать любое отношение при наличии соответствующего контекста (1b).

(1) адигейский (< абхазо-адыгские)

a. *s-šha*

1SG-голова

‘моя голова’

b. *s-jə-šha*

1SG-POSS-голова

‘моя голова’ (сказано зоологом про пёсью голову) ([Горбунова 2009: 153–154] цит. по [Karvovskaya 2018: 24])

При этом, хотя обычно идиосинкратические конструкции не являются продуктивными и могут сочетаться лишь с ограниченным классом имён (как в адигейском), существуют и языки без

подобного ограничения на идиосинкратические конструкции, например, даакака (<восточновануатские<австронезийские; [von Prince 2016]).

В разделе 4.3 будет показано, что выделяемые нами в севернохантыйском собственно посессивная и ассоциативно-посессивная конструкции семантически противопоставлены именно по (не)идиосинкратичности.

3. Основная информация о казымском севернохантыйском языке

Настоящее исследование основано на данных эlicitации, полученных с носителями казымского диалекта севернохантыйского языка, проживающих в селе Казым (ХМАО, Российская Федерация).

Данные получены в ходе совместных экспедиций Школы Лингвистики НИУ ВШЭ и ОТиПЛ МГУ в село Казым в 2018–2019 и 2021 гг. Часть данных также получена в работе с носителями по видеосвязи в 2020–2021 гг.

Базовые сведения по грамматике казымского диалекта севернохантыйского доступны в очерке [Каксин 2010]. Рассматриваемые здесь факты там, однако, не освещены.

3.1. Методология

В рамках эlicitации нашим консультантам предлагалось перевести русскоязычный стимул в определённом контексте на севернохантыйский. В большинстве случаев также переводился контекст, представляемый со стимулом на русском, чтобы консультант с необходимостью учитывал его в своих суждениях. Затем в предложенный перевод вносились минимальные изменения в отношении интересующих нас параметров, и консультанту предлагалось оценить уместность нового варианта в том же контексте. Здесь и далее при представлении материала реакции вида «нет, лучше сказать [выражение отличное от предложенного]», «нет / это здесь не надо», «да, так можно сказать, это будет значить [значение отличное от исходного]» обозначаются знаком [#], что значит «выражение не обладает ожидаемым значением или неуместно». В некоторых случаях подобные семантические отличия были получены после дополнительного вопроса о том, как меняется значение с другим выражением.

3.2. Северохантыйская приименная посессивная конструкция

Приименная посессивная конструкция минимально состоит из ИГ посессора и следующим за ней вершинным именем маркированным посессивным суффиксом (2), отражающим лицо-число посессора. При этом посессор может быть не выражен эксплицитно.

(2) *năŋ kăt'-en*

ты кот-POSS.2SG

‘твой кот’

Парадигма показателей представлена в таблице 1 и включает суффиксы для сочетаний трёх лиц и трёх чисел, некоторые из которых совпадают.

Таблица 1. Система посессивных показателей северохантыйского языка
(казымский диалект, полевые данные)

	SG	DU	PL
1SG	- <i>əm/-əm</i> -POSS.1SG	- <i>ŋəλ-am</i> -DU-POSS.1SG	- <i>λ-am</i> -PL-POSS.1SG
2SG	- <i>en</i> -POSS.2SG	- <i>ŋəλ-an</i> -DU-POSS.2SG	- <i>λ-an</i> -PL-POSS.2SG
3SG	- <i>əλ/-eλ</i> -POSS.3SG	- <i>ŋəλ-aλ/-ŋaλ</i> -DU-POSS.3SG/-DU[POSS.3SG]	- <i>λ-aλ</i> -PL-POSS.3SG
1DU	- <i>əmən</i> -POSS.1DU	- <i>ŋəλ-amən</i> -DU-POSS.1DU	- <i>λ-amən</i> -PL-POSS.1DU
2DU	- <i>ən</i> -POSS.2NSG	- <i>ŋəλ-an</i> -DU-POSS.2NSG	- <i>λ-ən</i> -PL-POSS.2NSG
3DU	- <i>ən</i> -POSS.3DU	- <i>ŋəλ-an</i> -DU-POSS.3DU	- <i>λ-ən</i> -PL-POSS.3DU
1PL	- <i>ew</i> -POSS.1PL	- <i>ŋəλ-aw</i> -DU-POSS.1PL	- <i>λ-aw</i> -PL-POSS.1PL
2PL	- <i>ən</i> -POSS.2NSG	- <i>ŋəλ-an</i> -DU-POSS.2NSG	- <i>λ-ən</i> -PL-POSS.2NSG
3PL	- <i>eλ</i> -POSS.3PL	- <i>ŋəλ-aλ</i> -DU-POSS.3PL	- <i>λ-aλ</i> -PL-POSS.3PL

При местоимённом посессоре посессивное маркирование обязательно, а при посессоре, выраженному нарицательной ИГ, оно в некоторых случаях опускается. В интересах места мы будем рассматривать исключительно первый случай.

4. Собственно посессив *vs.* ассоциативный посессив

В этом разделе представлены аргументы за выделение по крайней мере двух стратегий посессивного маркирования, для краткости называемых здесь собственно посессив и ассоциативный посессив согласно типу выражаемого конструкцией отношения.

Помимо случаев, в которых носитель европейского языка ожидает посессивную конструкцию, в северохантыйском посессивное маркирование возникает и в менее ожидаемых контекстах: когда референт данной ИГ может быть связан некоторым контекстно-заданным отношением с другим референтом. Так, в (3), хотя чашка принадлежит говорящему, она маркируется POSS.2SG, поскольку адресат находится рядом с чашкой и должна её передать. (Ср. неуместность *твою* в русском переводе.)

(3) *an-^{#(en)} mi-je.*

стакан-POSS.2SG дать-IMP.SG.SG

{У говорящего в гостях подруга. На столе одна чашка. Он говорит ей:} ‘Передай (досл. твою) чашку.’

Как будет показано далее, в подобных примерах наблюдается отличный от собственного посессива ассоциативный посессив.

4.1. Ассоциативный посессив не допускает эксплицитного посессора

Принципиальное отличие ассоциативного посессива состоит в том, что он не допускает эксплицитного выражения ИГ посессора.

Например, в (4) маркированная POSS.2SG ИГ не может включать местоимение *näj* ‘ты’, поскольку мяч, строго говоря, не принадлежит Васе, а связан с ним лишь пространственной близостью или физическим контактом.

(4) *waśa, (#näj) m'ačok-en tiw mij-e.*

Вася ты мяч-POSS.2SG сюда дать-IMP.SG.SG

{Ребёнок подобрал на улице какой-то грязный мяч. Ему говорят:} ‘Вася, отдай мяч.’

Комментарий консультанта к *näj*: «Если грязный мяч на улице нашёл, не подходит, это [подходит] если [(5)]».

С другой стороны, в (5), где речь идёт про игрушку, принадлежащую ребёнку, и, следовательно, используется собственно посессив, ничто не препятствует эксплицитному выражению посессора.

(5) *waśa, nāj t'ačok-en kam-ən.*

Вася ты мяч-POSS.2SG улица-LOC
 ‘Вася, твой мяч на улице.’

4.2. Собственно посессив не требует уникальности

Ассоциативный посессив обязателен с уникальными референтами при наличии соответствующего отношения (см. (3) выше, где опущение посессива недопустимо), а при наличии нескольких референтов, входящих в экстенсионал данной ИГ, наоборот невозможен (6).

(6) *an-([#]en) mi-ja.*

стакан-POSS.2SG дать-IMP[SG]³

{У говорящего в гостях подруга. На столе несколько чашек. Он говорит ей:} ‘Передай чашку.’

Собственно посессив же не требует уникальности. Например, в (7) две формально идентичные ИГ с посессивом могут отсылать к разным индивидам в рамках одного высказывания, тогда как требующие уникальности ИГ в подобных контекстах неуместны, ср. [Coppock, Beaver 2015].

(7) *nāj welik-en tām λoλ́,*

ты велосипед-POSS.2SG этот стоять[NPST.3SG]

tuta-šk pa nāj welik-en λoλ́.

там-ATT ADD ты велосипед-POSS.2SG стоять[NPST.3SG]

{Ребёнок спрашивает: «Где мои велосипеды?» Ответ:} ‘Твой велосипед стоит здесь, там стоит ещё [один] твой велосипед.’

4.3. Собственно посессив не может выражать ассоциативные отношения

Как было отмечено выше, во всех примерах с ассоциативным посессивом добавление эксплицитного посессора неизбежно ведёт к смене интерпретации на собственно посессивную, ср. (4)–(5). Исходя из этого мы утверждаем, что собственно посессив семантически ограничен как идиосинкратическая стратегия по Карловской (2018).

³ В первом приближении с посессивно-маркированными объектами предпочтительно наличие глагольного согласования по числу с объектом, а с немаркованными наоборот. Это учитывалось при элигитации. Действительное распределение согласования с объектом, однако, подчиняется более сложным правилам и не может быть рассмотрено в рамках настоящей работы.

Однако в отношении рассмотренных примеров представляется возможным следующее возражение. Русская конструкция с посес-сивным местоимением в целом может выражать ассоциативные отношения (*моя собака* как ‘напавшая на меня собака’, см. ниже), однако в примерах выше она неуместна, поскольку, видимо, не реализованы достаточные условия для доступности такой интерпретации: предполагаемое ассоциативное отношение недостаточно салиентно в данном контексте (ср. [Storto 2005]). Можно предположить, что в северохантыйских примерах (3) и (4) ассоциативная интерпретация для вариантов с эксплицитным посес-сором невозможна по тем же причинам.

Это предположение, однако, неверно. В нижеследующих примерах специально задаётся контекст, повышающий салиентность какого-либо ассоциативного отношения, что делает допустимым соответствующее употребление русской конструкции⁴. В северо-хантыйских переводах же собственно посессив с эксплицитным посессором по-прежнему недоступен, поскольку предполагаемое отношение не является собственно посессивным и не может быть выражено неидиосинкритической стратегией.

Так, в (8) допустим только вариант с относительным прида-точным (ОП), при котором местоимение-посессор обозначает агента действия, обозначенного ОП. Вариант без ОП с простой ИГ *näj iχep* ‘твоя голова’ с необходимостью интерпретируется как отсылающий к части тела адресата. (Ср. (9), где простая ИГ без ОП также не допускает эксплицитного посессора.)

(8)	<i>näj</i>	[#] (<i>təw-əm</i>)	<i>iχ-en</i>	<i>wewtam-a</i>	<i>jī-s.</i>
	ты	нести-NFIN.PST	голова-POSS.2SG	плохой-DAT	стать-PST[3SG]
‘Каждый рыбак принёс по рыбьей голове для супа. Петя даёт го- ворящей рыбью голову, которую он принёс. Она отвечает:} Твоя (досл. принесённая тобой) голова испорчена. {Принеси другую.}’					

(9)	([#] <i>näj</i>)	<i>iχ-en</i>	<i>wewtam!</i>
	ты	голова-POSS.2SG	плохой
‘Каждый рыбак принёс по рыбьей голове для супа. Петя даёт го- ворящей рыбью голову, которую он принёс. Она отвечает: Это что такое!} Голова-то гнилая! {Как мне её в суп класть!}’			

⁴ По суждениям четырёх носителей русского языка, включая автора. Ещё двое носителей оценили контекст (8) как несколько странный, но (10) как приемлемый.

То же справедливо и в отношении (10). Опущение ОП в этом примере вызывает собственно посессивную интерпретацию ‘дом, в котором живёт Петя’, что противоречит правому контексту.

- (10) *λɯw #(aλλ-ət)* *χot-λ* *met* *χigat-əŋ*.
 он нести-NFIN.PST дом-POSS.3SG самый узор-PROP
 {В газете был конкурс на самый красивый дом Белоярского района. Много интересных домов нашли.} ‘{Мне кажется, победит Петя.} Его (досл. принесённый им) дом самый красивый. {[Кстати,] в этом доме живёт Мария Алексеевна.}’

5. Заключение: ассоциативный посессив за пределами казымского северохантыйского?

Настоящая статья имела целью доказать, что в казымском северохантыйском есть по крайней мере две посессивные конструкции, причём обе маркируются одной и той же парадигмой суффиксов.

Первая конструкция — собственно посессив — допускает эксплицитное выражение ИГ посессора, не требует уникальности референта данной ИГ и может обозначать исключительно отношения, так или иначе выводимые из семантики ИГ.

Вторая конструкция — ассоциативный посессив — не допускает эксплицитного выражения посессора, требует уникальности референта ИГ и не ограничена в множестве доступных ей отношений.

Семантически подобное противопоставление в приименных посессивных конструкциях хорошо известно в типологической литературе ([Nichols 1988; Karvovskaya 2018] и многочисленные ссылки там же). Однако в нормальном случае, по-видимому, такие конструкции (i) имеют формально различное выражение и (ii) отличаются семантически прежде всего доступными им отношениями.

Если представленный в этой работе взгляд справедлив, северохантыйская система, в которой обе конструкции маркируются одинаково, но только вторая требует уникальности референта ИГ, представляется типологической рарой.

С другой стороны, во многих уральских языках и их соседях встречаются такие же расширенные ассоциативные употребления посессивов (см. хотя бы [Кузнецова 2003; Nikolaeva 1999, 2003; Körtvély 2010; Siegl 2015; Serdobolskaya et al. 2019]), однако в известных нам работах не рассматривалась возможность отделения их от собственно посессивов на морфосинтаксических или референциальных основаниях.

Принципиальным аргументом для наших данных стала недоступность выражения эксплицитного посессора в случае ассоциативного посессива. Можно ожидать, что и в других языках, где наблюдаются подобные употребления посессивов, эта диагностика составит аналогичный аргумент за выделение двух посессивных конструкций в одной парадигме показателей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATT — аттенуатив; ADD — аддитивная частица; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; IMP — императив; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Горбунова 2009 — Горбунова И.М. Посессивные конструкции. // Аспекты полисинтезизма: очерки по грамматике адыгейского языка. Тестелец Я.Г. (отв. ред.). Москва: РГГУ, 2009. С. 146–165.
- Каксин 2010 — Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Кузнецова 2003 — Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск, 2003. С. 249–259.
- Coppock, Beaver 2015 — Coppock E., Beaver D. Definiteness and determinacy // Linguistics and philosophy. 2015. № 38(5). Pp. 377–435.
- Karvovskaya 2018 — Karvovskaya L. The typology and formal semantics of adnominal possession. LOT, Netherlands Graduate School, 2018.
- Körtvély 2010 — Körtvély E. On the function of possessive suffixes in Tundra Nenets: Possession and semantic-pragmatic definiteness // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2010. № 32(33), Pp. 321–343.
- Nichols 1988 — Nichols J. On alienable and inalienable possession. // In honor of Mary Haas: From the Haas Festival Conference on Native American linguistics. New York: Mouton de Gruyter, 1988. Pp. 557–609.
- Nikolaeva 1999 — Nikolaeva I. Ostyak. Lincom Europa, 1999.
- Nikolaeva 2003 — Nikolaeva I. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic. // International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia: Collection of papers. 2003. Pp. 130–145.
- Serdobolskaya et al. 2019 — Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt //

- Possession in Languages of Europe and North and Central Asia, Amsterdam (Studies in Language Companion Series 206). 2019. Pp. 291–311.
- Siegl 2015 — Siegl F. The Non-Possessive Use of PX2P in Nganasan and Dolgan — a reappraisal // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. 2015. № 39. Pp. 67–100.
- Storto 2005 — Storto G. Possessives in context // Possessives and beyond: Semantics and syntax / Kim J.Y., Partee B.H., Lander Y.A. (eds.). 2005. Pp. 59–86.
- Taylor 1996 — Taylor J.R. Possessives in English: An exploration in cognitive grammar. Oxford University Press, 1996.
- von Prince 2016 — von Prince K. Alienability as control: The case of Daakaka // Lingua. 2016. № 182. Pp. 69–87.